Когда Шан Сижуй вышел на сцену в роли Чжугэ Ляна [1], Чэн Фэнтай вопреки ожиданиям его не узнал — лишь после того, как он смотрел на актёра в течение довольно долгого времени, на него снизошло озарение. Второй господин всё ещё неспособен был оценить мастерство певца на слух, однако понимал, что Шан Сижуй превосходит всех прочих — он был словно кинозвезда первой величины. Другие актёры в лучшем случае походили на тех, кого играли — он же был тем, кого представлял. Когда Шан Сижуй переоделся, нанёс грим и вышел на сцену, в его поступи и взмахах веера будто сам Кунмин вернулся к жизни. На этих возвышенных театральных подмостках словно был заточён спящий дракон [2].

Однако участь спящего дракона была предрешена. Игравший на хуцине виртуоз по-прежнему и не думал следовать за голосом певца, окончательно отпустив поводья [3] — мелодия его инструмента то вихрем взмывала на девяносто тысяч ли ввысь, то камнем падала на три тысячи чи вниз — под её воздействием переполняющее Шан Сижуя негодование готово было вот-вот прорваться в пении. Министр Цзинь и ещё несколько знатоков оперы, сидевших в зале, принялись хмуриться. Если бы дело происходило на семейном торжестве главнокомандующего Цао, то этот мастер хуциня давно лежал бы с простреленной головой. Зрители начали во множестве покидать зал. Вот наконец настал черёд наиболее знаменитой арии адажио [4]: «Некогда был я вольным человеком в Улунгане», в которой аккомпаниатор вознамерился блеснуть своим искусством сверх всякой меры. Он играл с невероятным воодушевлением, перемежая игру замысловатыми переливами, так что Шан Сижую было и слова не вставить. Сказать по совести, мастерство старшего ученика Хэ-шаоцина и впрямь было непревзойдённым — зрители, которые знали толк в музыке, принялись кричать ему: «Браво!» Получив подобные почести, музыкант разошёлся ещё сильнее, принявшись играть этот отрывок на бис, однако Шан Сижуй уже не пел.

Повернувшись к аккомпаниатору, актёр сорвал накладную бороду и проникновенно произнёс:

— Братец, так не пойдёт.

Аккомпаниатор ошарашенно замер. Министр Цзинь с интересом глядел на сцену, а Чэн Фэнтай так и вовсе следил за происходящим куда увлечённее, нежели за оперой. Музыкант в самом деле перешёл черту, как знать, запоёт ли теперь Шан Сижуй?

— Дядюшка Хэ при жизни часто говорил, что струна должна следовать за голосом; нельзя игнорировать исполнителя, напротив, следует его поддерживать, — принялся поучать аккомпаниатора Шан Сижуй. — Старший братец, ты всем сердцем жаждешь похвастать своим хуцинем, словно шумный гость, который заглушает хозяина [5], перехватывая инициативу — сперва за здравие, потом за упокой [6]. И как же в таком случае петь людям на сцене? Если каждый не будет добросовестно исполнять свои обязанности, то и опера остановится.

Шан Сижуй сказал чистую правду, однако то, что он сделал это на глазах у всех, больно ударило по самолюбию мастера игры на хуцине. Тот, превознося лишь себя, всегда смотрел на всех остальных свысока, держась заносчиво и высокомерно, а потому не в силах был стерпеть подобное. Медленно поднявшись, он взял хуцинь и перекинул белый платок через плечо.

— Я всего лишь неотёсанный юнец, вам не ровня, осмеливаюсь потчевать старшее поколение

отбросами — и прежде всего Шан-лаобаня, — изрёк он, сверля актёра пьяными глазами. — Вам не нужно ничего говорить. Пусть Шан-лаобань знает от силы несколько иероглифов, зато он превосходно разбирается в литературе.

Чэн Фэнтай, который полагал, что Шан Сижуй мастерски использует идиомы, машинально закивал, выражая своё согласие.

— Я — простолюдин, лишённый таланта, — продолжал музыкант. — Я двенадцать лет обучался игре на инструменте у своего почтенного наставника, но так и не узнал, ни как следовать за голосом, ни как надлежит аккомпанировать исполнителю. — Склонив голову набок, мастер игры на хуцине злобно добавил: — Слушая Шан-лаобаня, можно понять, что он и впрямь постигал основы у моего почтенного учителя, да ещё и в Бэйпине он прославился как «знаток всех амплуа, мастер шести инструментов [7]». Вы столь красноречивы — должно быть, пользуясь тем, что сегодня здесь собралось немало высоких гостей, вы решили прочесть мне нотацию, расширив мой кругозор. — Не говоря больше ни слова, он стянул платок и швырнул его в плечо Шан Сижуя.

Актёр не ожидал, что музыкант так себя поведёт — молодой человек уже немного сожалел о том, что у него вырвались те резкие слова, задевшие этого пьяницу за живое — но раз уж Шан Сижуй вскочил на этого тигра, слезть с него он уже не мог [8]. На сцене он пел без малейшего стеснения, пусть бы на него уставились хоть сто тысяч пар глаз, однако, стоило ему перестать играть, как он тут же ощущал неловкость под устремлёнными на него взглядами. Актёр застыл в полной растерянности [9], чувствуя, как к щекам приливает жар. Конечно, всегда оставалась возможность потянуть время — однако это может вызвать недовольство министра Цзиня, а публика окончательно разойдётся, недовольная представлением.

Тем не менее, министр громко бросил, смеясь:

— Раз так обстоят дела, пусть нам сыграет Шан-лаобань, а я за это награжу его сверх условленного.

Получив распоряжение министра Цзиня, Шан Сижуй без слов повернулся к зрителям. Согнувшись в лёгком поклоне, он сел, постелив себе на колени сложенный вдвое белый платок, и приготовился играть. Стоящий в стороне распорядитель представления едва не рвал на себе волосы — он давно знал, что этот аккомпаниатор — человек безответственный и безрассудный, а под Новый год было практически невозможно удержать его от выпивки — какой же глупостью было пригласить его! То, что подобный скандал вызовет гнев министра Цзиня, ещё полбеды — министр в конце концов вернётся в Нанкин и будет уже не страшен — а вот оскорбив стремительно набирающего популярность [10] Шан Сижуя, можно и вовсе забыть о том, чтобы зарабатывать оперой! Про себя распорядитель представления заключил, что, раз Шан Сижуй — истинный знаток своего дела, должно быть, он и на хуцине играет с тем же мастерством. Вот сейчас он взял пару нот — и они уже могли похвастать превосходным звучанием. Видимо, навыки Шан Сижуя позволяли ему выйти на сцену хоть десять раз кряду до самого конца представления.

— Так как по-вашему, Шан-лаобань? — склонившись к его уху, быстро посовещался с ним

распорядитель.

— Позовите ту, что играла Фань Лихуа [11], — немного подумав, ответил Шан Сижуй. — Пусть выберет любой быстрый отрывок, который ей хорошо даётся.

— Вы уверены?

— Мне всё равно, — с лёгкой улыбкой отозвался Шан Сижуй.

Распорядитель представления в изумлении уставился на него в упор: «Ну что за дитя! — воскликнул он про себя. — Если ты переоценишь свои силы, это скажется на твоей репутации! В зале сплошь знатоки — стоит тебе разок сфальшивить, и они мигом поймают тебя на этом, а потом раззвонят по всему Бэйпину — и как ты тогда сумеешь не ударить в грязь своим милым личиком! Я у тебя спрашиваю из самых добрых побуждений!»

— Шан-лаобань, — вновь обратился к нему распорядитель, — сегодня в зале довольно много известных людей, есть и любители игры на хуцине — у них очень тонкий слух. Разве вы не хотите произвести на них благоприятное впечатление?

— Я же сказал, что мне всё равно, что исполнять, — с досадой ответил Шан Сижуй. — Ступайте, дядюшка.

Распорядитель представления молча кивнул, а про себя подумал, что этот парень ещё более ненормальный, чем тот, предыдущий — а может, всему виной самонадеянность юности — он безрассуден, словно новорождённый телёнок. Если он в самом деле с подобным рвением стремится ударить в грязь лицом, то пусть потом не жалуется!

Игравшая Фань Лихуа актриса успела снять половину макияжа и все головные украшения — и теперь у неё не было времени надеть их снова. Кое-как наспех накинув розовый костюм женского амплуа, она поспешила на сцену. По счастью, поскольку макияж был снят не полностью, смотреть на неё было ещё можно. Обращаясь к Шан Сижую, она шепнула:

— «Уродливая пара» [12], тот эпизод, когда разбойники поднимают мятеж.

Шан Сижуй кивнул, и смычок в его руках пришёл в движение. Звуки хуциня лились подобно потоку, обволакивая голос актрисы — вот что подразумевалось под надлежащим аккомпанементом [13]. Мелодия следовала за голосом подобно тени, ни в коей мере его не перебивая — это и называлось «следовать за голосом». Ничего другого Чэн Фэнтай уловить не мог, лишь чувствовал, что мелодия хуциня чрезвычайно легка и подвижна, в то время как сидящий рядом Фань Лянь как истинный знаток качал головой в знак одобрения.

— Ну как, хорошо? — спросил у него Чэн Фэнтай.

— Это не просто хорошо, — отозвался Фань Лянь, — это невообразимо! Что за золотые у него руки!

Около десяти строк цветистых фраз сипи [14] прожурчали подобно ручейку. Зрители встали и захлопали, бурно выражая восторг — при этом сами не знали, восхищаются ли певицей или музыкантом. После этого взоры всех присутствующих обратились на предыдущего аккомпаниатора, чтобы посмотреть, как он будет отдавать дань уважения. Красный от злости музыкант обхватил кулак одной руки ладонью другой, отвешивая малый поклон Шан Сижую.

— Благодарю за наставление! — Даже не забрав свой инструмент, он растолкал зрителей и в бешенстве убежал.

Этот фарс, из-за которого Шан Сижуй вновь оказался в лучах скандальной славы, куда больше пришёлся по вкусу господам зрителям, нежели ему самому. В особенности был доволен распорядитель представления: отряхнув одежду Шан Сижуя, он бросился подавать ему чай — мужчина в самом деле ухаживал за молодым актёром, словно за редкостным сокровищем.

Министр Цзинь поманил Шан Сижуя к себе и с улыбкой сказал склонившемуся к нему актёру:

— Отличное выступление, Шан-лаобань!

Хоть его только что похвалили, к лицу Шан Сижуя прилила краска. Покорно стоя рядом, он отозвался:

— Я испортил торжество министра Цзиня, мне крайне неловко.

Какое-то время министр глядел на него, посмеиваясь, а потом внезапно сменил тему:

— И то правда. Аккомпаниатор действительно неправ, но он ошибся только в одном: ему следовало бы знать, что Шан-лаобань, выйдя на сцену, непременно устроит грандиозную драму.

Остальные застыли, огорошенные этими словами: они никак не ожидали, что министр Цзинь выскажет нечто похожее на обвинение, тем самым ставя Шан Сижуя в неудобное положение.

Тот тоже остолбенел, но быстро пришёл в себя, приняв обычный невозмутимый вид, без страха ответив:

— Как бы ни был хорош сафлор, его должны дополнять зелёные листья. На театральных подмостках одно звено тесно связано с другим, и если одно звено подкачало, то как же другое сможет выдержать? Долг оперного певца — трудиться не щадя сил, чтобы показать свои таланты во всей красе, а вовсе не прикрывать чужое уродство и позор — иначе это будет сплошное дурачество и издевательство над публикой.

При этих словах на лице министра Цзиня отразилось некоторое удивление, но по большей части — восхищение, и он от души кивнул:

— Это вы очень хорошо сказали! — Впервые увидев Шан Сижуя сегодня, он сразу понял, что тот держится на сцене с тем же изяществом, что и Нин Цзюлан, а теперь убедился, что он и отвечает в точности как его знаменитый друг. — Если бы каждый человек мог быть таким, как вы, — от души восхитился министр, — не отступал бы перед трудностями, не жаждал лёгкой и праздной жизни, а стремился превзойти всех, при этом не позоря своё дело, то тогда Китай мог бы стать сильной и процветающей страной.

Чэн Фэнтай и Фань Лянь переглянулись: они не могли понять, намеренно ли так вышло, но эта фраза хромого Цзиня будто предназначалась для них. От этих слов оба чуть не поперхнулись, но ответить на такое им было нечего. Старый имбирь всегда острее [15] — что тут скажешь?

Повернувшись к распорядителю, министр Цзинь велел:

— Пусть на сцене продолжают представление, а мы с Шан-лаобанем пока немного побеседуем.

Распорядитель велел подавальщику принести стул для Шан Сижуя, а сам без лишних слов ушёл, чтобы отдать распоряжения. Министр Цзинь больше и не думал смотреть представление, знай себе непринуждённо беседовал с актёром.

— Я только что заметил у вашей Сюэ Цзиньлянь [16] несколько новых жестов — где вы их почерпнули?

Шан Сижуй знал, что министр Цзинь ценил талант Нин Цзюлана, всё равно как Чжун Цзыци — мелодию «Высокие горы и текущие воды» [17], будучи истинным ценителем оперы, а потому относился к нему с некоторой долей уважения.

— Само собой, я сам их придумал, — просто ответил актёр. — Скажите, как они вам?

— Превосходно! — несколько раз кивнул Министр Цзинь. — Как по мне, вам следует играть так и впредь. — Затем он с улыбкой добавил: — У вас с Цзюланом схожие устремления. Цзюлан имел обыкновение говорить, что хочет что-то поменять в пьесах, однако ему не хватало храбрости отступить от правил, так что изменения он вносил лишь украдкой. Только встретив вас, он начал преображать пьесы всерьёз. Помнится, несколько лет назад вы с Цзюланом ставили «Принцессу Нюйхуа» [18], не так ли? Тогда говорили, что пьеса удивительно хороша, а исполнение — ещё лучше. — Словно говоря о каком-то забавном случае, министр Цзинь со смехом добавил: — Это прямо-таки заставило князя Ци пуститься в пространные рассуждения, сбивая людей с пути истинного ложными речами [19], навлекая на себя недовольство партии и государства. Одним словом, опера в самом деле удалась.

— Эту пьесу написал Седьмой Ду, — ответил Шан Сижуй. — Мы с Цзюланом лишь придумали сценические движения и написали мелодии.

— К сожалению, я тогда был в Нанкине и всё пропустил. Потом, как я слышал, вы направились в Тяньцзинь и представили ту же оперу перед государем императором? — Министр Цзинь с тяжёлым вздохом добавил: — Говорят также, что, когда вы исполнили «Чьей ещё страны лета столь долги», император расплакался.

То, что тогда сам император велел ему исполнить эту пьесу, стало первым триумфом для Шан Сижуя, и таковым оставалось по сей день. Это случилось незадолго до падения династии Цин, императорский род тогда ещё здравствовал. Актёры играли императоров и князей, представляли благородных молодых господ и девушек — они кормились тем, что завещали им предки, и под их влиянием почитали правящую династию, искренне преклоняясь перед ней; потому-то, вероятно, это выступление и останется величайшим достижением в жизни Шан Сижуя. После представления император Сюаньтун [20] похвалил его с глазу на глаз, и к тому же подарил позолоченный веер, расписанный цветами пиона и красной сливы. На бумаге веера он своей рукой написал стихи и поставил личную печать.

Шан Сижуй какое-то время старательно пытался припомнить те события, но в конце концов ответил:

— Не знаю, плакал ли в тот день император. Когда я выступаю, я никогда не смотрю на зрителей.

Выходит, когда Шан Сижуй играет на сцене, сам император Сюаньтун для него всего лишь «зритель». Чэн Фэнтай изумился про себя: перед ним был обычный актёр, однако речи его были столь горделивы!

— Ставят ли сейчас «Принцессу Нюйхуа»? — спросил министр Цзинь.

— После того, как Цзюлан отошёл от дел, её тут же прекратили ставить, — ответил Шан Сижуй.

— Отчего же?

— Прочие исполнители мужа принцессы не в силах постичь того смысла, который вкладывал в эту роль Цзюлан.

Поразмыслив над этим какое-то время, министр Цзинь спросил, глядя в сторону:

— Вы всё ещё поддерживаете связь с Цзюланом?

Фань Лянь подмигнул Чэн Фэнтаю, побуждая его прислушаться к этому частному разговору, но на самом деле тому едва ли стоило об этом напоминать — второй господин Чэн и без того весь обратился во слух.

— Вашими молитвами, с Цзюланом всё хорошо, пусть сейчас он и утратил голос. Он совсем не выступает и не поёт, только целыми днями играет в пайцзю [21] с князем Ци.

Чэн Фэнтай и Фань Лянь подумали про себя, до чего же простодушен этот актёр: все в Бэйпине знали, что министр Цзинь и Нин Цзюлан долгое время состояли в любовной связи. Хоть их чувства остались лишь в воспоминаниях, но до чего же неловко должно быть министру Цзиню, когда ему вот так в лоб напомнили о том, что Нин Цзюлан нашёл себе другого спутника [22].

Министр не изменился в лице, его улыбка казалась по-прежнему благодушной.

— Это к лучшему. Он пел всю жизнь, пора ему и отдохнуть. — Стоило ему это сказать, как его служащий сообщил, что министра вызывают к телефону из Нанкина по важному делу, и тот, извинившись, похромал прочь. Как только он ушёл, к улыбке Шан Сижуя вновь вернулась живость. Чэн Фэнтай, схватив молодого человека за руку, усадил его в кресло министра. Вскрикнув от удивления, актёр вновь улыбнулся, а сидящий справа Фань Лянь налил ему бокал вина.

— Ну у тебя и язык, Жуй-гээр! — понизив голос, сказал едва не задыхающийся от смеха Фань Лянь. — И тебя ещё считают порядочным человеком! Ты только посмотри, как ты развернул разговор! Заставил старого калеку вновь проехаться по нам двоим!

С этими словами он пододвинулся к Шан Сижую и заставил его осушить бокал. Тот простодушно выпил вино залпом, но оно не пошло ему впрок — молодой человек тут же закашлялся. Чэн Фэнтай кончиками пальцев взял с тарелки для фруктов медовую розочку и положил ему в рот. Стоило Шан Сижую откусить от неё кусочек, он тут же проглотил сласть целиком, и кашель постепенно прекратился.

— Ну как, Шан-лаобань, вкусно?

— Угу. Вкусно.

— Хотите ещё?

Шан Сижуй был сладкоежкой, словно маленький — глядя на Чэн Фэнтая, он кивнул:

— Хочу!

На самом деле, фруктовая тарелка стояла на чайном столике прямо рядом с ним — лишь руку протяни, да и дозволение Чэн Фэнтая для этого Шан Сижую отнюдь не требовалось, однако актёр, будучи в непривычной среде, становился ужасно застенчив, так что не осмеливался лишний раз пошевельнуться — потому и попался на крючок.

— Расскажите нам что-нибудь про министра Цзиня, и вся эта тарелка — ваша, кушайте на

здоровье!

— О чём рассказать?

Чэн Фэнтай бросил взгляд на Фань Ляня, и тот, догадываясь, куда тот клонит, послал ему игривую улыбку.

— Вы же знаете, министр Цзинь трёх фраз сказать не может, не помянув Нин Цзюлана, — начал Чэн Фэнтай. — Что же между ними произошло? Расскажите-ка нам в двух словах.

— Я не знаю, — выслушав его, еле слышно ответил Шан Сижуй.

— Как это не знаете? Ведь вас с Нин Цзюланом связывает такая крепкая дружба?

— На этот счёт я и правда ничего не знаю, — ответил Шан Сижуй, про себя подумав: «Даже знай я об этом, я не стал бы вам рассказывать о столь личных вещах, чтобы вы устроили из этого потеху за столом для маджонга, тем самым повредив репутации Цзюлана!

— Сюда идёт министр Цзинь, мне пора вернуться к представлению! — торопливо добавил он.

Однако Чэн Фэнтай крепко схватил его за рукав, не давая уйти. Тем временем к ним в самом деле ковылял министр Цзинь. Занервничав, Шан Сижуй резко встал с места. Костюм, в котором он играл, не был столь добротно сделан, как его собственные, ткань была слишком хлипкой — а потому при этом движении кайма рукава с треском оторвалась, оставшись в пальцах Чэн Фэнтая.

— Второй господин! Посмотрите, что вы наделали! Это же чужой костюм!

Чэн Фэнтай не успел вымолвить ни слова, как раздосадованный молодой актёр, выхватив у него оторванную кайму, умчался прочь.

— Старший зять, — расхохотался Фань Лянь, хлопая по подлокотнику, — ты ведь персик ещё не делил, а рукав уже оторвал [23]!

— Ну что за безобразие, — рассмеялся Чэн Фэнтай, но на душе у него сделалось тоскливо.

Тут наконец подошёл министр Цзинь и, утомлённо опустившись в кресло, заметил:

— Чему это так радуется Лянь-гээр? Ты сегодня выглядишь самым счастливым.

С лица Фань Ляня тут же исчезла улыбка и он, пару раз кашлянув, принялся с серьёзным

видом смотреть представление.

Примечания переводчика:

[1] Чжугэ Лян □□□ (Zhūgě Liàng) (181-234), взрослое имя Кунмин — полководец и государственный деятель царства Шу, мудрец и стратег, герой романа «Троецарствие», автором которого предположительно является Ло Гуаньчжун (прибл. 1330—1400 гг.). После смерти отца он вместе с дядей и братьями жил в Улунгане.

Арию Чжугэ Ляна «Некогда был я вольным человеком в Улунгане», о которой идёт речь, можно послушать здесь:

https://www.youtube.com/watch?v=0WQ_1TxrwGE

Здесь можно оценить, насколько на самом деле важно взаимодействие певца и аккомпаниатора.

[2] Возвышенных театральных подмостках — в оригинале □□□□ (sānchǐxìtái) – букв. «театральные подмостки в три чи», где три чи □□ (sānchǐ) — метафора для образованных людей, поскольку законы писались на бамбуковых планках в три чи (около метра) длиной).

Спящий дракон □□ (wòlóng) — обр. «скрытый талант», о выдающемся деятеле.

[3] Отпустив поводья — в оригинале чэнъюй □□□□ (xìn mǎ yóu jiāng) — в пер. с кит. «довериться коню и отпустить поводья», обр. в знач. «дать волю; пустить на самотек; свободный, стихийный».

[4] Адажио — в оригинале □□ (mànbǎn) — маньбань — это вид темпа в опере, когда исполнение медленное и отчётливое. Употребляется для выражения гнева, скорби, прочих сильных эмоций, стремительной перемены настроения.

[5] Шумный гость заглушает хозяина □□□□ (xuānbīn duózhǔ) — идиома, обр. в знач. «второстепенное заслоняет главное», в данном случае — аккомпаниатор заглушает исполнителя.

[6] Сперва за здравие, потом за упокой — в оригинале □□□□□ (Xiān luòle hǎo qù) — в букв. пер. с кит. «сперва — похороны, потом — в добрый путь».

[7] Знаток всех амплуа, мастер шести инструментов — в оригинале □□□□□□□□□□□ (wénwǔ kūn luàn bùdāng, liù chǎng tōng tòu), где □□□□□□ (sénwǔ kūn luàn bùdāng) означает, что актёр способен играть как в операх без боевых сцен □□ (wénxì) — вэньси, так и с боевыми сценами — □□ (wǔxì) — уси, и петь как оперу куньцюй □□ (kūnqǔ) (изящная драматургия), так и оперу двух жанров луаньтань □□ (luàntán) («простонародные» пьесы), а □□□□ (liù chǎng tōng tòu) означает, что артист способен аккомпанировать на трёх основных инструментах «боевых» опер: □□□

(dānpígǔ) — даньпигу — одностороннем барабане, □□ (dàluó) — дало — большом гонге и □□ (xiǎoluó) — сяоло — маленьком гонге, и на трёх основных инструментов опер без боевых сцен: □ □ (jīnghú) цзинху, или Пекинская скрипка, инструмент, созданный на основе хуциня и родственный эрху, □□ (yuèqín) — юэцинь, называемый также лунная лютня или лунная гитара — четырёхструнный инструмент с круглым или восьмигранным корпусом и □□ (xiánzǐ) — сяньцзы или □□ (sānxián) саньсянь — трёхструнный щипковый музыкальный инструмент, от которого происходит японский сямисэн.

[8] Раз уж Шан Сижуй вскочил на этого тигра, слезть с него он уже не мог — в оригинале чэнъюй □□□□ (qíhǔ nánxià) — в пер. с кит. «если скачешь верхом на тигре — слезть трудно», обр. в знач. «невозможно остановиться, нет пути назад; загнать себя в безвыходное положение».

[9] Застыл в полной растерянности — в оригинале чэнъюй □□□□ (shǒu zú wú cuò) — в пер. с кит. «руки и ноги не знают, что предпринять», обр. в знач. «растеряться, оказаться беспомощным».

[10] Стремительно набирающий популярность — в оригинале два чэнъюя:

□□□□ (zhēngzhēng rìshàng) — в пер. с кит. «взмывающий к солнцу», обр. в знач. «изо дня в день развиваться; быть на подъёме; идти в гору»;

□□□□ (dàhóng dàzǐ) — в пер. с кит. «ярко-красный, ярко-фиолетовый», обр. в знач. «преуспеть, прославиться, иметь головокружительный успех», а также «находиться в центре внимания; находиться на виду».

[11] Фань Лихуа □□□ (Fán Líhuā) — женщина-генерал, имя которой означает «цветок грушевого дерева», героиня пьесы «Перевал Фаньцзян», подробнее см. примечание к предыдущей главе.

[12] «Уродливая пара»□□□□(chǒu pèi) — опера, переработанная Мэй Ланьфаном под названием «Возвращение феникса» □□□ (fèng huán cháo), первое название — «Дерево Инь и Ян». Пьеса представляет собой комедию положений — многообещающий жених господин Му собирается жениться на дочери старого друга своего отца Чэн Сюээ (дочери наложницы), однако, встретив в библиотеке её уродливую и жадную сестру Чэн Сюэянь, которая, подстрекаемая матерью выдаёт себя за его невесту, в ужасе бежит. Тот, кто помогает ему бежать, пытается жениться на Сюээ под именем господина Му, но по ошибке женится на старшей некрасивой сестре. После этого бандиты на юге поднимают восстание, и молодой человек, прославившись, становится генералом. Когда ему вновь напоминают о женитьбе, он отказывается, но затем всё разрешается, когда он узнаёт, что его невеста на самом деле красива и умна.

[13] Надлежащий аккомпанемент □□ (tuōqiāng) — в букв. пер. «поддержка/оттенение мелодии» — в традиционной китайской опере аккомпаниатор на хуцине не должен прибегать к ярким приёмам на публику, строго следуя за голосом.

[14] Цветистые фразы сипи □□□□ (xī pí liú shuǐ) — театр сипи (один из типов китайских театральных мелодий). Означает напыщенные, цветистые фразы театрального бэйпинского диалекта.

[15] Старый имбирь всегда острее □□□□□ (jiāng shì lǎode là) — обр. в знач. «пожилые имеют много опыта», «старый конь борозды не испортит».

[16] Сюэ Цзиньлянь □□□ (Xuē Jīnlián) — женщина-воин, имя которой означает «золотые лотосы (о «лотосовых ножках»), героиня пьесы «Перевал Фаньцзян», подробнее см. примечание к предыдущей главе.

[17] Чжун Цзыци □□□ (Zhōng Zǐqī) — дровосек, живший в период Вёсен и осеней, ценитель музыки, которую исполнял великий мастер игры на цине Юй Боя □□□ (Yú Bóyá). По легенде, когда Чжун Цзыци умер, Юй Боя разбил инструмент и никогда больше не играл, потому что некому стало понимать его музыку).

«Высокие горы и текущие воды» □□□□ (gāoshānliúshuǐ) — одна из знаменитых мелодий древности, по легенде сочиненная Юй Боя. Образно этот чэнъюй означает «понимать друг друга; задушевные друзья, душевная близость».

Когда Боя, играя на цине уносился мыслями в высокие горы, его друг Чжун Цзыци говорил: «О как прекрасны звуки циня, величественные словно гора Тайшань». Когда Боя видел внутренним взором стремительный поток, Чжун Цзыци говорил: «О как прекрасны звуки циня, бурные словно стремительный поток».

[18] «Принцесса Нюйхуа» — см. примечание к главе 7.

[19] Пуститься в пространные рассуждения — в оригинале чэнъюй □□□□ (dàfàngjuécí), здесь □□ (dàfàng) — широкое и полное изложение взглядов (понятие времён «культурной революции»), □□ (juécí) — «болтовня, вздор».

Сбивая людей с пути истинного ложными речами — в оригинале чэнъюй □□□□ (yāoyán huò zhòng), здесь □□ (yāoyán) — «лукавые речи, злостная клевета», □□ (huò zhòng) — будд. «массы (народ), охваченные заблуждениями», «вводить в заблуждение народ; сбивать людей с толку».

[20] Император Сюаньтун □□□ (Xuāntǒng-dì) — император Пу И (1906-1967) десятый представитель маньчжурской династии Цин, последний император Китая. Сюаньтун □□ (Xuāntǒng) — «Всеобщее единение», девиз императора Пу И.

[21] Пайцзю □□ (páijiǔ) — азартная игра в кости.

[22] Нашёл другого спутника — в оригинале чэнъюй □□□□ (pípá bié bào) — в букв. пер. с кит. «перестать обнимать пипу», так говорят о вдове или наложнице, вторично вышедшей замуж.

[23] Ты ведь персик ещё не делил, а рукав уже оторвал — две фразы, намекающие на гомосексуальность.

Персик ещё не делил — □□□□ (hái wèi fēntáo) — выражение □□ (fēntáo) ссылается на предание,

согласно которому Вэй-цзюнь некогда делил персик со своим фаворитом Ми Цзыся, о чём говорится в трактате «Хань Фэй-цзы»:

«В древности Ми Цзыся снискал расположение правителя царства Вэй (Ми Цзыся — советник правителя Вэй Лин-гуна (534-493 до н. э.)). По законам Вэй, всякий, кто самовольно воспользовался экипажем правителя царства, карался отсечением ступни. Однажды мать Ми Цзыся поразил недуг, и кто-то ночью пришел во дворец и доложил ему об этом. Ми Цзыся тотчас подделал царский указ, взошел на царскую колесницу и помчался к больной матери. Когда же государь узнал об этом, он только похвалил его, сказав: «Замечательно! Ради своей матушки он даже не побоялся наказания!» В другой раз Ми Цзыся, прогуливаясь с государем в саду, надкусил персик и, увидев, что он необычайно вкусен, дал правителю недоеденную половину плода. А правитель сказал только: «Вы любите меня до такой степени, что забываете о собственном удовольствии, чтобы угодить мне, единственному!» Однако позднее, когда слава Ми Цзыся померкла и правитель к нему охладел, его обвинили в непочтительном отношении к государю. Правитель сказал тогда: «Однажды он даже украл мою колесницу, а в другой раз угостил меня недоеденным персиком!» А ведь в поведении Ми Цзыся ничего не изменилось. Если за одни и те же поступки его сначала хвалили, а потом порицали, так получилось оттого, что милость государя обратилась в ненависть» (из «Хань Фэй-цзы», автор Хань Фэй, пер. В. В. Малявина. Цит. по: Искусство управления. М : Аст, 2003).

Рукав уже оторвал — в оригинале □□□□□ (jiù xiān duànle xiù) — отсылка к выражению □□ (duànxiù), которая отсылает к истории императора Сяоай-ди (27-1 гг. до н. э.) и его фаворита Дун Сяня.

Согласно преданию, однажды, когда император и Дун Сянь спали в одной постели, император, проснувшись, обнаружил, что Дун Сянь спит на рукаве императорского одеяния. Чтобы не побеспокоить сон любимого, император отрезал рукав своей одежды, и лишь потом встал.

http://bllate.org/book/17750/1660361